ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ
ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АБУ РАЙҲОН БЕРУНИЙ НОМИДАГИ
ШАРҚШУНОСЛИК ИНСТИТУТИ

Гувоҳнома № 0680-16.02.2018.
ISSN № 2181-9017

Meros

№ 1/2023

М У Н Д А Р И Ж А

МАНБАШУНОСЛИК

Ибрагимов Ф. “Кичик тиб қонуни” асарининг ўрганилиши ҳақида 3
Абдухалимов Б. Формуляры записей о разделе наследства из энциклопедии Абу Хафса ан-Насафи 16
Каримов Ш. Хондамирнинг “Дастур ал-вузаро” асарида Ғазнавийлар давлати вазирлари ҳақида 27
Файзуллаев Ф. Мовароуннаҳрда Шайбонийларнинг ҳокимият тепасига келишига доир айрим мулоҳазалар 36

ТАРИХ ВА ТАРИХШУНОСЛИК

Раджабова Д. Тарихий манбаларни танқидий таҳлил қилиш (XIX аср охири рус шарқшунослиги ва XXI аср бошларидаги ўзбек манбашунослигидаги қарашлар) 49
Пуговкина О. Правовой статус «бывших людей» в советских конституциях ТАССР – УзССР (1918-1937 гг.) 61
Тошев С. Турк тилидаги тадқиқотларда мустақил Ўзбекистон тарихининг ёритилиши..... 74

ҲУЖЖАТШУНОСЛИК

Исматова Н. Россия империяси мустамлакачилиги даврида Бухоро амирлигида вақф мулкчилигининг ҳолати ва хусусиятлари 84

ХАЛҚАРО АЛОҚАЛАР

Миркомилов Э. Шоҳрух Мирзо даврида Темурийлар давлатининг Миср билан дипломатик алоқалари 99

Разаков Ф. Англо-турецкое сотрудничество по противодействию экспансии России в Кокандском ханстве и в Восточном Туркестане (1860–1878гг.) 109

ИСЛОМ ВА ТАСАВВУФ

Таниева Г. XVI–XIX асрларда Ўрта Осиё мусулмонлари ҳаж сафарларининг халқлар маданий-маърифий ҳаётига таъсири 128

Разакова М. Одина Хоразмийнинг тасаввуфдаги баъзи истилоҳларга шарҳи 137

ХОРИЖИЙ ШАРҚ МАСАЛАЛАРИ

Каримова Н. Сведения “Мин шилу” о торгово-посольских связях Китая и государств Центральной Азии в XIV–XV вв. 146

Алимова Л. Трансформация семейных отношений в Южнокорейском обществе в конце XX века 158

Акрамова Ш. Межгосударственное сотрудничество Республики Узбекистан и КНР 168

ЎзР ФА
Абу Райҳон Беруний номидаги Шарқшунослик институти Илмий кенгашининг 2021 йил 2 июндаги 3-сонли мажлиси қарорига кўра нашрга тавсия қилинди.

ТАҲРИР ҲАЙЪАТИ

Баҳром Абдуҳалимов
(Бош муҳаррир)

Сурайё Каримова
(Бош муҳаррир ўринбосари)

Салимахон Эшонова
(Масъул котиб)

Наталья Каримова
(Рус тили муҳаррири)

Акрам Ҳабибуллаев
(АҚШ, Инглиз тили муҳаррири)

Аҳмедов Ашраф
Бобожонов Бахтиёр
Баҳодиров Роиқ
Бўриев Омонулло
Дагели Жанин (Германия)
Жуманазаров Абдусаттор
Исломов Зоҳиджон
Қориев Одил
Мўминов Аширбек (Туркия)
Раҳимжонов Дурбек
Султонов Ўктамбек
Ходжаев Аҳад
Юсупова Дилором
Ғуломов Санжар
Ҳасанов Маҳмуд

Манзилимиз:
100170. Тошкент ш., Мирзо Улуғбек кўчаси, 79
Мурожаат учун:
***Телефон**: (8 371) 262-54-61,*
***Факс**: (8371) 262-52-77*
***E-mail**: beruni1@academy.uz*

20.09.2022 йилда босишга рухсат этилди. Қоғоз бичими 70x100 $^{1}/_{16}$. “Times New Roman” гарнитураси. Шартли босма табоғи 7. Адади 100 нусха. Буюртма рақами №: --. Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси “Фан” нашриётида нашр этилди.

N. Karimova

«Ming Shilu»'s information on trade and embassy relations between China and Central Asian states in the XIV-XV centuries

The article is devoted to the problems of the trade-diplomatic relations between China and Central Asian countries according Chinese historical source "Ming Shilu" ("True records [of the deeds of the emperors] Ming"). Data on the goods from the countries of Central Asia brought to China are resulted. The Central Asian states tried to maintain trade relations with China, from where goods that had already become so necessary in everyday life came. Embassies from Amir Timur often arrived in China, especially at the beginning of the Ming Dynasty. From the side of the Minsk dynasty, trade was an important effective lever of political influence on the nearest neighbors. The paper bases on Chinese historical sources and acquaints with many unknown facts of the trade-diplomatic relations between China and Central Asian countries.

Key words: *trade-diplomatic relations, China, Central Asian countries, Chinese sources, "Ming Shilu", Amir Temur, Samarkand, embassies.*

Л. Алимова

Трансформация семейных отношений в южнокорейском обществе: история и современность

Трансформация семейной политики – это система комплексной деятельности государства, направленная на социальный институт семьи с целью его укрепления и развития, защиты его институциональных прав и интересов, обеспечения суверенитета и благополучия.

Семейные отношения, как важнейшее направление социальной политики является предметом размышления социологов, политологов и историков, начиная с 80-90-х гг. XX в. В центре их внимания находятся семья и семейно-демографическая ситуация в стране.

В разных странах семейная политика различна. В некоторых странах она существовала с давних пор и изменялась со времени ее введения, чтобы лучше приспособиться к новым рискам, которым так или иначе подвергаются семьи. В других, она появилась не так давно и пока еще включает довольно разнородные социальные меры [1: 15].

Общемировая тенденция трансформации семьи находит свое отражение не только в развитых странах, но и в обществах, сохраняющих элементы традиционного уклада.

В Южной Корее нет общепринятой концепции семейной политики, однако и ученые, и представители власти осознают потребность в ней. В стране долгое время вообще не занимались вопросами теоретического рассмотрения семейной политики в виду ее патриархально-консервативного отношения к семье.

Вопросы семьи в Корее всегда занимали первостепенное значение в жизни народа. Так, в Южной Корее, если в течение 1980-90-х гг. количество разводов держалось относительно на низком уровне – 5,9%, то за минувшее десятилетие количество разводов резко увеличилось – 11,4% [2: 53]. Этот процесс стал заметен особенно в последние пять лет, так как число разводов в южнокорейских семьях резко увеличилось.

До недавнего времени проблемы семьи были не столь актуальны для обсуждения на правительственном уровне в Республике Корея. Но с развитием общества южнокорейская семья претерпевает серьезные изменения: рост числа разводов, распределение ответственности за воспитание детей, падение рождаемости, старение населения и т.д. Обострение ситуации в семьях и потребовало от государства принять значительные поправки в семейное законодательство, принятое в 1989 г. и вступившее в силу с января 1991 г.

Демографическая статистика в начале 2000-х гг. встревожила южнокорейское общество. Среди важнейших демографических изменений выявилось быстрое снижение рождаемости, изменения в статистике браков и разводов и увеличение числа межнациональных браков и многокультурных семей. В целях борьбы с дискриминацией в отношении женщин правительство Южной Кореи разработало ряд программ по подготовке кадров, призванных ознакомить государственных служащих с социально-половыми вопросами и

разрушить укоренившиеся в сознании общественности представления, касающиеся традиционной роли полов. В результате работы Корейского института по содействию гендерному равенству и образованию в марте 2000 года была создана специализированная система обучения, предназначенная для государственных служащих, учителей, сотрудников государственных корпораций и связанных с правительством организаций, членов Национального собрания и местных советов, правительственных консультативных комитетов, военнослужащих, сотрудников полиции и женских организаций.

Первая проблема была связана с резким падением рождаемости, которое было вызвано, с одной стороны, бурным экономическим ростом, с другой, с изменениями, связанными с положением женщин, их большей вовлеченностью в производственные процессы.

Подобно конфуцианским Китаю, Японии и другим азиатским странам, семьи в Корее традиционно были многодетными, так как корейцы верили, что многочисленность детей, особенно сыновей, является источником удачи [3: 160]. На волне модернизации экономики в 70-х–80-х гг. XX в. южнокорейское правительство, опасаясь, что высокий уровень рождаемости может подорвать экономический рост страны, стало проводить политику планирования семьи [4: 23].

Через несколько десятилетий уровень рождаемости упал до самого низкого уровня в мире. По данным Национального статистического управления Южной Кореи (Korea National Statistical Office) общий коэффициент рождаемости (*total fertility rate,* TFR), составлявший в 1970 г. 4,53, к 1983 г. опустился ниже коэффициента замещения 2,1 и резко упал до 1,65 в 1995 г., до 1,47 в 2000 г. и до 1,08 в 2005 г. В 2005 г. TFR во многих странах Восточной Азии были очень низкими (например, 1,77 в Китае, 1,30 в Японии и 1,12 на Тайване), но TFR в Корее был самым низким в мире [2: 54].

Второй демографической проблемой в начале 2000-х гг. в Южной Корее были резкие изменения в пропорциях браков и разводов. Корейское общество традиционно было, в основном, против развода. В большинстве браков упор делается на стабильность брака, а не на его качество. По данным Национального статистического управления Южной Кореи (2005 г.) общий коэффициент числа браков (*crude*

marriage rate (CMR) оставался довольно высоким, а общий коэффициент числа разводов (*crude divorce rate,* CDR) оставался достаточно низким до конца 1990-х гг. [2: 54] Снижение количества браков в Южной Корее, по-видимому, соответствовало тенденциям в большинстве развитых стран, но здесь необходимо отметить, что в азиатских странах, таких как Корея, Япония и Тайвань, в их число не входили гражданские браки, как, например, в США или Европе [5: 231]. В то время как в западных странах снижение числа браков не приводит к снижению рождаемости, то в развитых азиатских странах снижение числа браков напрямую связана с низким уровнем рождаемости.

Еще одним изменением, повлиявшим на демографические процессы в начале 2000-х гг., стало все более широкое присутствие иностранных трудовых мигрантов и рост числа межнациональных браков. Тысячелетиями Корея была известна как расово однородная страна. Однако, в начале 1990-х гг. корейских женщин все меньше стали привлекать мужчины, проживающие в сельских районах, что вызвало постепенный рост межнациональных браков между одинокими мужчинами из сельских районов Южной Кореи и женщинами корейского происхождения, первоначально из Китая, а затем и из других стран [6: 175]. Много женщин, не только из Китая, но и из стран Юго-Восточной Азии, а затем и Центральной Азии, приезжают в Южную Корею, чтобы выйти замуж, в результате чего уровень межнациональных браков в 2005 г. достиг 13,5% от общего числа браков [2: 55]. В связи с увеличением числа браков среди этого слоя населения возросло и число разводов. Разводы среди межнациональных пар составляли 1,2% от общего числа разводов в 2002 г., но удвоились до 2,4% в 2004 г.

Другие азиатские страны сообщили о схожих опасениях по поводу относительной нестабильности межнациональных браков. Например, в Японии в 2000 г. 4% всех случаев развода приходилось на межнациональные пары. Среди причин развода называются супружеские и семейные конфликты, включая унижение или расовую дискриминацию из-за культурных различий, а также различные виды жестокого обращения и даже насилия со стороны супругов.

Эти демографические изменения в начале 2000-х гг. были интерпретированы как новые социальные риски, угрожающие

устойчивости южнокорейского общества, что вызвало настоятельную необходимость улучшения общего благосостояния корейских семей со стороны правительства.

Таким образом, социальные и демографические тенденции в начале 2000-х гг. заставили правительство более активно реагировать на растущие социальные проблемы, связанные с семьей [2: 53]. И в 2004 г. корейское правительство приняло рамочный закон об оздоровлении семей, который положил начало четкой семейной политике Корее [2: 53].

С этого времени можно наблюдать значительные изменения в семейной политике в Южной Корее. Реформы привели к шестикратному увеличению социальных расходов на семью с 2 до 13 % от общего объема социальных расходов в период с 2002 по 2012 г., в результате чего, расходы на семейную политику стали третьим по величине элементом государственных расходов, уступая лишь расходам на старость и здравоохранение [7: 14].

С 1990-х гг. в Южной Корее стали уделять особое внимание политике по уходу за детьми в связи с необходимостью обеспечить баланс между работой и семьей для работающих родителей с маленькими детьми.

По данным Министерства здравоохранения и социального обеспечения за 2015 г. доля детей, получающих государственные пособия по уходу, значительно возросла с 30,1 в 2004 г. до 62,1 в 2006 г. и до 98,9 в 2015 г. [7: 11].

Поскольку женщины в семье рассматривались в качестве основных опекунов, государственная политика, способствующая примирению между работой и семьей, была недостаточно развита [7: 14]. В Корее отпуск по беременности и родам оплачивался, но был коротким, и только матери имели право на неоплачиваемый отпуск по уходу за ребенком. Уход за детьми рассматривался как частное дело, и лишь незначительные государственные услуги по уходу за детьми предоставлялись семьям с низкими доходами.

Современные корейские женщины-работницы имеют право на 90-дневный отпуск по беременности и родам, который должен включать не менее 45 дней после родов. Хотя отпуск по беременности и родам был введен в 1953 г. в результате принятия закона

«О трудовых стандартах», он был реформирован только в 2001 г. В результате, продолжительность отпуска по беременности и родам в Южной Корее была увеличена с 60 до 90 дней и по национальному страхованию занятости пособия стали предоставлять тем, кто берет этот отпуск. Отпускники могут получать полную заработную плату от своих работодателей в течение первых 60 дней и частичную или полную замену заработной платы за счет страхования занятости в течение оставшихся 30 дней. Для работников малых предприятий средства от страхования занятости заменяют заработную плату отпускников за все 90 дней [2: 55].

К тому же, ежемесячное пособие не может быть ниже минимальной заработной платы и постепенно корректируется с учетом заработка работника до максимума в размере 1350000 *вон* (приблизительно 1250 долл. США) [2: 56]. В дополнение к отпуску по беременности и родам с 2008 г. отцы имеют право на 3-дневный неоплачиваемый отпуск по уходу за ребенком.

Работающие матери и отцы в Южной Корее имеют право на отпуск по уходу за ребенком (или родительский отпуск) сроком до 1 года до достижения ребенком шестилетнего возраста. Отпуск по уходу за ребенком был введен в 1987 г. в качестве неоплачиваемого отпуска только для матерей, имеющих ребенка в возрасте до 1 года, но максимальный возраст ребенка был продлен до 3 лет в 2008 г., а затем до 6 лет в 2010 г. Каждый родитель может претендовать на отпуск по уходу за ребенком, но оба родителя не могут взять отпуск одновременно. В настоящее время отпускник может получить замену заработной платы в размере 40% от месячной заработной платы в пределах минимум 500 000 *вон* (приблизительно 450 долл. США) и максимум 1 000 000 *вон* (приблизительно 900 долл. США) от национального страхования занятости. Эта замена заработной платы увеличилась с фиксированной ставки в размере 500 000 *вон* в месяц до 40% от месячной заработной платы, начиная с января 2011 г. Существуют обязательные условия для получения отпуска по уходу за ребенком, для этого необходимо работать на текущем рабочем месте не менее 1 года до первого дня отпуска. Кроме того, для получения выплат по уходу за ребенком работнику оплатят национальное страхование занятости за 180 дней или более до первого дня отпуска. С 2002 г. общее число лиц, получающих отпуск, а

также число и процентная доля мужчин, получающих отпуск, постепенно увеличиваются. Ожидается, что большее число работающих родителей будут претендовать на отпуск по уходу за ребенком.

Родители, имеющие право на отпуск по уходу за ребенком, могут также добиться сокращения рабочего времени вместо отпуска по уходу за ребенком. Сокращенный график работы был введен в 2008 г. с учетом семей, которые не могут выжить с заменой заработной платы из полного отпуска по уходу за ребенком или родителей, чьи трудовые обязанности не позволяют отсутствовать полный рабочий день в течение длительного периода времени. Сотрудники с сокращенным рабочим графиком должны работать не менее 15 часов в неделю и не более 30 часов в неделю [3: 105]. В соответствии с отпуском по уходу за ребенком сокращенный рабочий график может использоваться в течение 1 года в одном или двух кварталах до достижения ребенком своего шестилетнего возраста.

В отличие от отпусков по беременности и родам, отцовству или уходу за ребенком, сокращенный график работы в настоящее время не является обязательным.

В 2000-х гг. в попытке повысить рождаемость правительство резко увеличило бюджет по уходу за детьми: в период с 2002 по 2007 г. бюджет по уходу за детьми увеличился примерно в 7 раз. Но строительство государственных учреждений по уходу за детьми отставало, по состоянию на 2009 г. их количество составляло всего 5,4% от всех других учреждений и обслуживали они только 11% детей, зачисленных в любые детские учреждения [2: 56].

Центральные и местные органы власти предоставляют семьям с детьми субсидии по уходу за детьми, связанные с заработком, до достижения ребенком шестилетнего возраста. Право на получение субсидий по уходу за ребенком и их размер варьируются в зависимости от возраста ребенка, характеристик домохозяйства (например, дохода, наличия нескольких детей или детей с особыми потребностями, а также наличия двойного дохода) и использования детских учреждений. Малообеспеченные семьи с ребенком в возрасте от нуля до четырех лет имеют право на получение субсидий по уходу за ребенком, которые покрывают 30–100% расходов по уходу за ребенком, выплачиваемых детским центрам или домам. Коэффициент

охвата 30-100% определяется по скользящей шкале для семей, получающих менее 70% среднего дохода домохозяйства, и корректируется, если семья имеет двух или более детей или имеет двойной доход. Все эти меры направлены на повышение рождаемости и поддержку семей с двойным доходом, которые немного превышают 70%-й порог. Семьи с низкими доходами, которые не пользуются детскими учреждениями, имеют право на получение фиксированного пособия по уходу за ребенком с 2009 г. [2: 56].

В настоящее время правительство Республики Корея пришло к осознанию того, что застойные явления в сфере семьи достигли серьезного уровня и могут повлечь за собой нарушение стабильности общества, и, как следствие, семейная политика стала объектом интереса на государственном уровне.

Использованная литература

1. Brinton M.C., Lee Yean-Ju, Parish W.L. Married Women's Employment in Rapidly Industrializing Societies: South Korea and Taiwan // Women's Working Lives in East Asia. Stanford: Stanford University Press, 2001. P. 4–20.
2. Confucianism for the Modern World. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 26–69.
3. Deuchler M. Propagating Female Virtues in Choson Korea // Women and Confucian Cultures in Premodern China, Korea, and Japan. London: University of California Press, 2003. P.95–169.
4. Helgesen G. The Case for Moral Education // Confucianism for the Modern World, Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 161–177.
5. Kim A.E., Park Gil-sung. Nationalism, Confucianism, Work Ethic and Industrialization in South Korea // Journal of Contemporary Asia. Vol.33, 2003. No.l. P. 230–255.
6. Kim Hei-Sook. Power and Gender in the Choson Dynasty: Politics of Li' (in Korean with an abstract in English) // Korean Women's Studies. Vol.9. Seoul: Korean Women's Association, 1993. P.161–180.
7. Kim Ja Hyun H. Versions and Subversions: Patriarchy and Polygamy in Korean Narratives // Women and Confucian Cultures in Premodern China, Korea, and Japan. London, 2003. P.279–303.

8. Park N.–Y.M. Development, Culture and Gender in Korea: A Sociological Study of Female Office Employees in Chaebol. London, 2014.

Л. Алимова

Жанубий Корея жамиятида оилавий муносабатларни ўзгариш жараёнлари: тарих ва замонавийлик

Мақола Жанубий Корея жамиятида ижтимоий муносабатларнинг шаклланишида оила ва анъанавий мафкура таъсирини ўрганишга бағишланган. Замонавий жамият ва мафкуранинг асосий қисми бўлган оила ҳозирги Кореянинг сиёсий ва ижтимоий институтларига таъсири кўрсатилган. Гарчи Конфуций қадриятлари Чосон сулоласи даврида барча корейсларнинг ҳаётига кириб келган ва таъсир қилган бўлса-да, улар аёлларга оғир чекловлар қўйган.

Корея жамияти томонидан қабул қилинган оила жамиятнинг бир бўлаги сифатидаги ғоя талқини аёлларнинг итоаткорлик ва иффатига доимий урғу бериб, эркакларни ҳурмат қилиш ва аёлларни камситиш, улар устидан ҳукмронлик қилишга олиб келди. Аёлларнинг ролига нисбатан бундай нотўғри қараш узоқ вақтдан бери Жанубий Корея патриархал жамиятига хос бўлган.

Калит сўзлар: *оила, социология, гендер ҳолати, демография, Корея Республикаси, патриархал жамият, ритуал.*

Л. Алимова

Трансформация семейных отношений в Южнокорейском обществе: история и современность

Статья посвящена исследованию влияния семьи и традиционной идеологии на формирование социальных отношений в южнокорейском обществе. В статье показано, что семья, являясь ядром современной общества и идеологии, влияет на политические и социальные институты современной Кореи. Хотя конфуцианские ценности проникли и повлияли на жизнь всех корейцев во время

династии Чосон, но особенно жесткие ограничения они наложили на женщин.

Был сделан вывод, что представление о семье, как ячейки общества, принятое корейским обществом, привело к тому, что идея уважения мужчин и принижения женщин, с постоянным подчеркиванием своего послушания и целомудрия, стала доминировать в жизни корейских женщин. Такое предвзятое отношение к роли женщин долгое время было характерно для южнокорейского патриархального общества.

Ключевые слова: *семья, социология, гендерный статус, демография, Республика Корея, патриархальное общество, ритуал.*

L. Alimova

Transformation of family relations in South Korean society: history and modernity

The article is devoted to the study of the influence of the family and traditional ideology on the formation of social relations in South Korean society. The article shows that the family, being the core of modern society and ideology, influences the political and social institutions of modern Korea. Although Confucian values permeated and influenced the lives of all Koreans during the Joseon Dynasty, they imposed particularly severe restrictions on women. It was concluded that the idea of the family as a unit of society, adopted by Korean society, led to the fact that the idea of respecting men and belittling women, with constant emphasis on their obedience and chastity, began to dominate the lives of Korean women. This biased attitude towards the role of women has long been characteristic of South Korean patriarchal society.

Key words*: family, sociology, gender status, demography, Republic of Korea, patriarchal society.*

Бизнинг авторлар

1. **Абдуҳалимов Баҳром Абдураҳимович** – тарих фанлари доктори, профессор, Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси Абу Райҳон Беруний номидаги Шарқшунослик институти директори, ЎзРФА вице-президенти
2. **Акрамова Шоира Мухамедаминовна** – Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси Шарқшунослик институти кичик илмий ходими.
3. **Алимова Лазиза Алишер қизи** – Ўзбекистон Республикаси Фанлар Академияси Абу Райҳон Беруний номидаги шарқшунослик институти кичик илмий ходими.
4. **Ибрагимов Фахриддин Нусратович** – Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси Шарқшунослик институти кичик илмий ходими.
5. **Исматова Наргиза Адхамовна** – тарих фанлари бўйича фалсафа доктори, Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси Абу Райҳон Беруний номидаги Шарқшунослик институти илмий ходими.
6. **Каримов Шерзод Шавкат ўғли** – Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси Абу Райҳон Беруний номидаги Шарқшунослик институти таянч докторанти.
7. **Каримова Наталья Эрмановна** – тарих фанлари доктори, профессор, Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси Шарқшунослик институти бўлим мудири.
8. **Пуговкина Оксана Геннадьевна** – тарих фанлар номзоди, Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси Тарих институти катта илмий ходими.
9. **Раджабова Дилора Назаровна** – тарих фанлар номзоди, Самарқанд Давлат университети тарих факултети тарихшунослик ва манбашунослик кафедрасининг доценти
10. **Разаков Фаррух Абдумўминович –** Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси Абу Райҳон Беруний номидаги Шарқшунослик институти таянч докторанти.

11. **Разакова Мавжуда Саттаровна –** тарих фанлари номзоди, Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси Шарқшунослик институти, картотека бўлими мудири.
12. **Таниева Гулдона Мамановна** – тарих фанлари доктори, Низомий номидаги Тошкент давлат педагогика университети доценти.
13. **Тошев Солижон Аҳмаджонович** – Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси Абу Райҳон Беруний номидаги Шарқшунослик институти таянч докторанти.
14. **Файзуллаев Фаррух Эшқабулович** – Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси Абу Райҳон Беруний номидаги Шарқшунослик институти таянч докторанти.

Наши авторы

1. **Абдухалимов Бахром Абдурахимович** – доктор исторических наук, профессор, директор Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии наук Республики Узбекистан, вице-президент АН РУз.
2. **Акрамова Шоира Мухамедаминовна** – младший научный сотрудник Института Востоковедения Академии наук Республики Узбекистан.
3. **Алимова Лазиза Алишер кизи** – младший научный сотрудник Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии наук Республики Узбекистан.
4. **Ибрагимов Фахриддин Нусротович** – младший научный сотрудник Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии Наук Республики Узбекистан.
5. **Исматова Наргиза Адхамовна** – доктор философсик наук (PhD) по истории, старший научный сотрудник Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии наук Республики Узбекистан.
6. **Каримов Шерзод Шавкат угли** – базовый докторант Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии наук Республики Узбекистан.
7. **Каримова Наталья Эрмановна** – доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии наук Республики Узбекистан.
8. **Пуговкина Оксана Геннадьевна** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Истории Академии наук Республики Узбекистан.
9. **Раджабова Дилора Назаровна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии и источниковедения исторического факультета Самаркандского государственного университета.

10. **Разаков Фаррух Абдумумнович –** базовый докторант Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии наук Республики Узбекистан.
11. **Разакова Мавжуда Саттаровна** – кандидат исторических наук, заведущий отделом картотеки Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии наук Республики Узбекистана.
12. **Таниева Гулдана Мамановна** – доктор исторических наук, доцент Ташкентского государственного педагогического университета им. Низами.
13. **Тошев Соледжон Ахмаджонович** – базовый докторант Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии наук Республики Узбекистан.
14. **Файзуллаев Фаррух Эшкабулович** – базовый докторант Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии наук Республики Узбекистан.

Ours authors

1. **Bakhrom A. Abdukhalimov –** Doctor of Science (in History), professor, Director of the Abu Raykhan Beruni Institute of Oriental Studies, Uzbekistan Academy of Sciences, vice-present UzAS.
2. **Dilora N. Radjabova** – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of the Historiography and Source Studies, history faculty Samarkand state university
3. **Farrux A. Razakov** – Basic doctoral student at the Institute of Oriental Studies named after Abu Rayhan Beruni of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan.
4. **Farrux E. Fayzullayev**– Basic doctoral student at the Institute of Oriental Studies named after Abu Rayhan Beruni of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan.
5. **Faxriddin N. Ibragimov** – Senior scientific researcher of Institute of Oriental Studies, Uzbekistan Academy of Science.
6. **Guldona M. Taniyeva** – DSc, dotsent of the Tashkent Pedagogical University name after Nizami.
7. **Laziza A. Alimova** – Junior Researcher at the Abu Rayhan Beruni Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan.
8. **Mavjuda S. Razakova** – Candidate of Historical Sciences, Head the filing department, institute of oriental Abu Rayhan al-Biruni Academician of the Academy of Sciences of the Respublik of Usbekistan.
9. **Nargiza A. Ismatova**– Doctor of Philosophy in historical sciences (PhD), Researcher at the Institute of Oriental Studies named after Abu Rayhan Beruni of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan.
10. **Natalya E. Karimova** – Doctor of Science (in History), Professor, head of the department of Abu Raykhan Beruni Institute of Oriental Studies, Uzbekistan Academy of Science.
11. **Oksana G. Pugovkina** – Senior Research Fellow, Institute of History Academy of Sciences of Uzbekistan.

12. **Sherzod Sh. Karimov**– Basic doctoral student at the Institute of Oriental Studies named after Abu Rayhan Beruni of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan.
13. **Shoira M**. **Akramova** – Junior Researcher of Institute of Oriental Studies of Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan
14. **Solejon A. Toshev** – Basic doctoral student at the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of Uzbekistan.